

КОЛУМБ В ПЕШЕМ СТРОЮ

извилистые берега островов. Самым крупным был назван именем Октябрьской революции. Самый ближний к матери-

ЕЛИЗАВЕТА Ивановна и Николай Николаевич припоминают меня с трудом, главным образом, из вежливости. Еще бы — с предыдущей нашей встречи прошло более трех десятилетий. Да и знакомство давнее — на палубе корабля — было в сущности шапочным. Таких, подобных мне, случайных попутчиков по Арктике супругам Урванцевым за свою жизнь не перечесть.

А я, переступив порог ленинградской профессорской квартиры, чувствую себя вдруг мальчишкой, щенком, салаженком. Будто впервые пришел за галетным интервью к знаменитому человеку, автору и герою увлекательных книг. Но все-таки дивлюсь: почему это нынче Николай Николаевич и Елизавета Ивановна носят круглые очки в роговой оправе, а не квадратные из толстого стекла пексне, как носили тогда, в тридцать третьем? И еще отмечаю про себя, что тогда в болотных салогах геолог Урванцев выглядел стройней, элегантней, чем теперь в домашних туфлях, а хитрому Урванцевой, наоборот, просторный, пушистый халат куда более к лицу, нежели тесная кожаная куртка, запавшая мне в память.

После традиционной фразы «сколько лет, сколько зим» выясняется, что у нас пропасть общих знакомых. И как принято в таких случаях, гостю подносят чарку, не столь крепкую, сколь ароматную, собственного особого настоя. А потом принимаемся «чаевать», как говорят северяне.

За чаем что может быть приятнее, чем разглядывать семейный альбом. Каль, конечно, что невозможно за один вечер перебрать весь фотоархив, накопленный Урванцевыми за полвека.

Вот порядком уж выцветший отпечаток: в группе парней с ружьями, обступивших убитого белого медведя, нахожу себя. Тогда, помнится, моряки-красинцы просто оспаривали первый трофей у моряков-правдинцев... Видны на снимке и корабли наши в вынужденном дрейфе — ледокол «Красин» и лесовоз «Правда». С борта «Правды» снисходительно наблюдают охотничью суматоху охотников люди солидные: начальник геологической экспедиции Урванцев и его жена — судовой врач.

Другой снимок (дубликат его запомнился мне по Норильскому музею) — еще более давний. Там супруги запечатлены в свадебном путешествии — в тундре. На Николае Николаевиче — адыонкт-геологе — форменная инженерская фуражка с молоточком и топорицом на бархатном околыше. На Елизавете Ивановне — в ту пору только еще фельдшернице — мохнатый малахай и обка клеш чуть не до пят.

И, наконец, совсем уж седая фотодревность: Урванцев вместе с легендарным Никифором Бегичевым, когда была найдена почта Кнудсена и Тессема, трагически погибших спутников Амундсена.

К категории исторических снимков можно отнести и бревенчатую избу, сфотографированную более сорока лет назад и переснятую совсем недавно, — теперь уже с памятной мраморной дощечкой на бревнах. Первый дом Норильска! Того самого красавца города, мною озаглавленного кварталами и архитектурными ансамблями которого не устают любоваться читатели наших иллюстрированных журналов.

Фотолюбитель Урванцев поспорит и с профессионалами. При самом разнообразном освещении сняты им на цвет видны современного Норильска. Ведь и ныне ленинградский профессор каждое лето навещает заполярный город. Ведь не кто иной, как он, Урванцев, был когда-то и первым «горожанином» столицы Таймыра и... (это уже позднее) одним из заключенных тамошнего лагеря.

Из песни слов не выкинешь. Знаеток русского фольклора, Николай Николаевич с тонким юмором вспоми-

нает поговорку о суме и тюрьме.

...И в мыслях не было никакой тюрьмы у питомца Томского Технологического института Николая Урванцева, когда впервые плыл он вниз по Енисею, по недавнему ссыльно-каторжному пути первого «президента» Российской Социалистической Федерации Якова Михайловича Свердлова. Недавно еще царские жандармы везли тут большевика-ленинца, теперь едет советский инженер по заданию Советской власти.

«В надежде славы и добра» (замечательная эта строка у Пушкина, помните?) жили тогда сибиряки. Из разрухи поднимался огромный край, только что освобожденный от белых полчищ. Большое будущее сулил Сибири выход к морю.

Для кораблей, которые уже шли сюда сквозь льды с запада, требовалось топливо. За этим-то — для уточнения запасов издавна известных Норильских угольных месторождений — и был послан Урванцев. И вот там, за Полярным кругом, в недрах гор, обнаружил он не только уголь, но и признаки богатейших руд.

КАК ИЗВЕСТНО, «за морем телушка — полушка, да рубль перевоз». Чтобы обосновать экономическую эффективность будущей цветной металлургии в Заполярье, мало было долбить кайлом вечную мерзлоту, ночевать в спальных мешках на пятидесятиградусном морозе, бороздить на оленьих нартах снежный океан тундры. Надо было

Николай Николаевич УРВАНЦЕВ. 1964 год. Портрет, сделанный в тундре.

еще спорить, доказывать, убеждать — расталкивать толпы просителей в приемных...

Доклады о норильских богатствах — и устных и письменных — Николай Николаевич сделал немало. Немало нажил врагов из числа осторожневших бюрократов. Но попутно завоевал и друзей. И каких друзей! Сам Держинский пригласил однажды Урванцева к себе в Деловой Двор на Варварской площади. Беседы геолога с председателем ВСНХ закончились организацией новой Норильской экспедиции. Научным руководителем ее, как всегда, поехал Урванцев, а начальником Феликс Эдмундович назначил своего близкого человека, большевика П. С. Аллилуева.

Скрупулезная разведка, продолжавшаяся несколько долгих зим, выявила новые месторождения, колоссально расширила сырьевую базу возможной в будущем заполярной индустрии. Но будущее это даже энтузиастам казалось тогда астрономически далеким. Точно на другой планете чувствовали себя норильские зимовщики в черную пургу, когда два месяца кряду не поднималось над тундрой солнце. Тонули в топях, дохли заеденные мошкаркой кони, буксовали в сугробах слабенькие тракторы. А на оленях много ли перевезешь?

Нелегко быть Колумбом в пешем строю. Но Таймыру — краю богатств и

пустыни — ох, как нужен свой Колумб! И Урванцев зимой не растает с лыжами, летом плывет на утлых лодчонках то по неоглядно разлившейся Пясице, то по бурной Хантайке. Где на веслах не пройдет, в бечевую тянет по берегу. Им была положена на карту сначала Пясица, ставшая первым транспортным путем для массовых грузов в Норильск, потом и Хантайка, протяженность которой оказалась вдвое больше, чем считали кочевники-оленевоеды.

С речными путешествиями связан любопытный эпизод из семейной хроники. Разборную шлюпку по своим чертежам Николай Николаевич заказал в Ленинграде. Там в медицинском институте училась тогда Елизавета Ивановна. И вот, когда средств от Геологического комитета не поступило, студентка-медичка нанялась прачкой в больницу — надо же было как-то оплатить заказ беспокойного муженька.

На лошадях и оленях, на лодках, лыжах, пешком за один только 1929 год по Северо-Западному Таймыру Урванцев прошел десять тысяч километров. Дальше, кажется, некуда? Неправда! А неведомая Северная Земля! Ведь только восточные очертания ее обнаружили в 1913 году русские гидрографы. Западных же берегов итальянцу Нобиле не удалось увидеть и через пятнадцать лет с борта дирижабля. Что там простирается к северу от Таймыра — один огромный остров или целый архипелаг? Последняя географическая загадка нашей планеты не давала покоя норвежцу Амундсену, американцу Бартлетту, немцу Эккернеру...

Разгадать ее сумели русские, советские полярники. В начале 1930 года в поезде Ленинград—Москва Урванцев впервые встретился с Георгием Алексеевичем Ушаковым, недавно вернувшимся с острова Врангеля. Оба ехали по вызову Сергея Сергеевича Каменева — председателя правительственной Арктической комиссии. Всю ночь проговорили новые знакомые, а утром пришли к единодушному выводу: экспедиция в труднодоступные районы должна быть особо подвижной; успех работы обратно пропорционален числу участников. Подберем еще двух удалцов и айда на Северную вчетвером!

Так и доложили в Кремле... Вскоре к Урванцеву, взявшему на себя геологию, картографию, магнитные и астрономические наблюдения, и к Ушакову, назначенному начальником экспедиции, присоединились пожилой охотник Сергей Прокофьевич Журавлев и радист комсомолец Василий Васильевич Ходов.

В августе четверо отважных высадились с ледокола «Седов» на одном из небольших, только что открытых островков, предположительно близких к западным берегам Северной Земли. Ни достичь этих берегов на корабле, ни даже увидеть их с палубы было невозможно из-за тяжелых льдов. Сборный бревенчатый домик, радиостанция, десятка три ездовых собак, ружья, лыжи, припасы на два года — вот и все снаряжение полярных робинзонов. Снова, как некогда в Норильской тундре, Николай Николаевич почувствовал себя будто на другой планете.

Через два года к острову Домашнему — зимовке четверых смельчаков — подошел ледокол «Сибиряков», направлявшийся сквозным рейсом из бассейна Атлантики в Тихий океан. В штурманской рубке перед капитаном Урванцев развернул только что вычерченную карту. Сквозь градусную сетку проглядывали

ку наречен Большевиком, самый северный — Комсомольцем, самый западный — Пионером. Архипелаг в 36 тысяч квадратных километров, превосходящий площадь такие государства, как Бельгия или Голландия, четыре советских гражданина преподнесли в дар своей Родине. Более трех тысяч километров прошли они по тверди и морскому льду, нехоженым «с сотворения мира».

НА ОРДЕНЕ Ленина, врученном Урванцеву, стоял номер 430. Вскоре он стал одним из первых в Советском Союзе докторов геолого-минералогических наук. Ученую степень Николаю Николаевичу коллеги присудили единогласно без защиты диссертации. Событие это почти совпало с другим, вовсе не важным для науки, но радостным в семейном быту. У супругов Урванцевых, страстных спортсменов, появился собственный «газик». Автотор превратил их за успешный пробег по Северному Таймыру на первых советских вездеходах.

В ту пору земляки-ленинградцы дружески укоряли Николая Николаевича и Елизавету Ивановну — больно уж редко стали появляться супруги по месту постоянного жительства — на берегах Невы...

Через несколько лет на фронте под Ленинградом военный врач Урванцева с горечью вспоминала эти шутки. Муж, друг, спутник в жизни был теперь от Елизаветы Ивановны не только за тысячи километров, но и за решеткой, за колючей проволокой. Клеветнически обвиненный «во вредительство», первооткрыватель норильских руд стал заключенным лагеря при строительстве Норильского комбината.

Мало здравого смысла было во всем, что окружало его! С одной стороны, начальство дорожило Урванцевым; сначала его расконвоировали, потом за отличную работу снизили срок и, наконец, вовсе освободили из лагеря. Кем только не назначали — от рядового сотрудника до руководителя всей геологической службы комбината. А с другой, — ученого с мировым именем лишили права жительства во всех крупных городах страны.

И решил «первый горожанин» Норильска не расставаться с землей, принесшей ему так много радости, и горя. С ярким букетом, собранным в тундре, встретил Николай Николаевич вернувшуюся с фронта Елизавету Ивановну. Демобилизованная, она прикатила к мужу, «домой»... Что ж, видно, судьба такая: и серебряную свадьбу справлять там, где когда-то проводили медовый месяц...

Решения XX партийного съезда помогли супругам Урванцевым снова стать ленинградцами. И вскоре коллеги-ученые почтили Николая Николаевича высшей своей наградой. Заслуги маститого геолога в изучении Арктики Географическое общество СССР отметило Большой Золотой медалью за № 4.

...Дружба с крайними широтами продолжается и поныне.

В ленинградской квартире Николай Николаевич рассказывал мне и про Талнах («вот где руды богатейшие, вот где завтрашний день Норильска»), и про будущую Хантайскую ГЭС («заполярный Днепрострой» поднимается там, где я когда-то бурлаком путешествовал), и про Нордвик («есть там нефть на больших глубинах... Уверен!.. При современной технике скоро возможной станет и добыча!»).

В знак возобновления старого знакомства профессор подарил мне одну из последних своих фотографий. Портрет, сделанный в тундре, — крупным планом голова, вся облепленная мошкаркой. Выражение лица, естественно, недовольное, раздраженное. Но до чего же энергично это лицо!

С. МОРОЗОВ, спец. корр. «Известий», АРКТИКА — ЛЕНИНГРАД.